

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Политическая лингвистика. 2026. № 3 (117).

Political Linguistics. 2026. No 3 (117).

УДК 811.161.1'42+821.161.1-31(Достоевский Ф. М.)

ББК Ш141.12-51+Ш33(2Рос=Рус)5-8, 444

ГРНТИ 16.21.27

Код ВАК 5.9.8; 5.9.5

Кристина Ивановна Декатова

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия, dekatovaki@mail.ru,

SPIN-код: 7838-3660, <https://orcid.org/0000-0002-7690-8379>

Речевая провокация как вид манипулятивного воздействия (на материале романа Ф. М. Достоевского «Бесы»)

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена проблеме речевого манипулятивного воздействия в межличностной коммуникации. Целью исследования стал анализ такой разновидности манипуляции, как речевая провокация. В статье рассматриваются разные подходы к пониманию феномена речевой провокации, анализируется вопрос о целесообразности противопоставления понятий «речевая провокация» и «речевая манипуляция», обосновывается перспективность исследования провокативной коммуникации на материале художественных текстов. Объектом исследования стали языковые единицы, являющиеся маркерами речевых действий провокативного характера. В процессе исследования использовались метод контекстуального анализа и лингвопрагматический анализ речевых фрагментов, содержащих провокативные единицы. Источником материала исследования избран роман-предупреждение Ф. М. Достоевского «Бесы». Особое внимание уделено речевому поведению одного из героев романа Ф. М. Достоевского — политического провокатора Петра Степановича Верховенского. Автор статьи приходит к выводу, что деструктивное коммуникативное поведение данного героя — это не спонтанные эмоциональные речевые действия, а хорошо продуманные шаги к реализации поставленной цели. В результате исследования были описаны мотивы, приемы и тактики речевой провокации политического авантюриста Петра Верховенского, направленные как против представителей законной власти, так и против соратников по революционной борьбе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русская литература, русские писатели, литературное творчество, литературные жанры, романы, литературные сюжеты, литературные герои, речевая провокация, манипулятивное воздействие, художественные тексты, речевые жанры, провокаторы, Ф. М. Достоевский, виды манипулятивного воздействия, речевые тактики, провокативные единицы.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Декатова Кристина Ивановна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Россия.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Декатова, К. И. Речевая провокация как вид манипулятивного воздействия (на материале романа Ф. М. Достоевского «Бесы») / К. И. Декатова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 3 (117). — С. 12–20.

Kristina I. Dekatova

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia, dekatovaki@mail.ru, SPIN code: 7838-3660,

<https://orcid.org/0000-0002-7690-8379>

Speech Provocation as a Kind of Manipulative Influence (Based on the Material of the Novel by F. M. Dostoevsky “Demons”)

ABSTRACT. The article deals with the problem of speech manipulation in interpersonal communication. The aim of the study is to analyze speech provocation as a specific kind of manipulative influence. The article considers different approaches to understanding the phenomenon of speech provocation, analyzes the issue of the expediency of contrasting the concepts of “speech provocation” and “speech manipulation”, and substantiates the prospects for the study of provocative communication based on the material of fiction texts. The research object encompasses linguistic units that are markers of provocative speech actions. The research employs the method of contextual analysis and linguopragmatic analysis of speech fragments containing provocative units. The warning novel “Demons” by F.M. Dostoevsky serves as a source of practical research material. Special attention is paid to the speech behavior of one of the characters of Dostoevsky's novel – the political provocateur Petr Stepanovich Verkhovenskiy. The author of the article comes to the conclusion that the destructive communicative behavior of this character is not spontaneous emotional speech actions, but well-thought-out steps towards achieving the desired goal. In the course of the study, the author describes the motives, techniques and tactics of the speech provocation of the political adventurer Verkhovenskiy, targeted both against representatives of the legitimate power and against the revolutionary comrades.

KEYWORDS: Russian literature, Russian writers, literary creative activity, literary genres, novels, literary plots, literary characters, speech provocation, manipulative influence, fiction texts, speech genres, provocateurs, F.M. Dostoevsky, kinds of manipulative influence, speech practices, provocative units.

AUTHOR'S INFORMATION: Dekatova Kristina Ivanovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Department of the Russian language and methods of its teaching, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia.

FOR CITATION: Dekatova K. I. (2026). Speech Provocation as a Kind of Manipulative Influence (Based on the Material of the Novel by F. M. Dostoevsky "Demons"). In *Political Linguistics*. No 3 (117), pp. 12-20. (In Russ.).

Провокация как сложный поведенческий феномен вызывает интерес у представителей разных научных сфер: природа, цели, модели, функции провокативного поведения отдельных людей и социальных групп анализируются в рамках социологических, психологических, философских, политологических, культурологических, юридических, лингвистических исследований (В. А. Афиногенова, А. В. Дмитриев, Е. Н. Зарецкая, О. С. Иссерс, О. В. Кузнецов, И. Г. Малышкина, А. А. Сычев, Т. Н. Шеметова, В. Н. Степанов и др.). В работах, посвященных лингвистическому анализу деструктивного общения, нередко в центре внимания оказывается речевая провокация. В современной отечественной лингвистике отсутствует однозначное понимание этого явления. В широком понимании речевой провокацией называют любое речевое воздействие, состоящее в символическом представлении («показывании») говорящим «реально испытываемых или имитируемых эмоций, чувств, состояний с целью заразить ими собеседника и вызвать у него аналогичное внутреннее состояние, которое не соответствует его актуальному состоянию» [Степанов 2009: 119]. Однако такой подход к определению речевой провокации, по мнению О. С. Иссерс, позволяет отнести к данному коммуникативному поведению «всякое иллокутивное вынуждение, описанное в терминах «стимул — реакция» [Иссерс 2009: 93]. Ученый предлагает более узкую интерпретацию провокационных речевых действий, рассматривая их как «целенаправленное, мотивированное, преимущественно контролируемое коммуникативное поведение, направленное на (1) получение информации, которую собеседник не желает сообщать добровольно, либо (2) дестабилизацию его эмоционального состояния» [Иссерс 2009: 93].

Провокативную коммуникацию нередко рассматривают в сопоставлении с манипулятивным речевым воздействием. Неоднозначная трактовка взаимосвязи данных явлений обусловлена разным пониманием соотношения между понятиями «провокация» и «манипуляция» [Самсонова 2022: 121]. В ряде научных работ эти понятия противопоставляются. Так, Т. А. Середухина определяет провокацию как особую совокупность речевых актов, объектом которых «является

адресат с активным сознанием, а не пассивным». По мнению исследователя, опирающегося на работы С. Г. Кара-Мурзы, в отличие от манипуляции провокация «строго индивидуальна и может быть направлена только на образованного, умеющего логически мыслить человека <...> осознается и осмысливается именно как логическая цепочка» [Середухина 2013: 314–315]. Нескольким иначе описывает связь между провокацией и манипуляцией В. Н. Степанов. Ученый использует термин «провоцирование» и предлагает рассматривать это речевое действие как «родовой механизм манипуляции» [Степанов 2019: 46]: «Провоцирование принято считать только приемом манипуляции, в действительности манипуляция является частным случаем провокативного поведения» [Степанов 2008: 18]. По мнению лингвиста, манипуляция отличается от провоцирования тем, что она «является осознаваемым действием — демонстрацией мастерства и сноровки манипулятора, который использует провоцирование намеренно» [Степанов 2008: 16]. Наиболее распространенным в отечественной коммуникативной лингвистике является прямо противоположный взгляд на соотношения понятий «провокация» и «манипуляция»: в работах сторонников этой точки зрения провокация представляется как одна из форм манипуляции [Иссерс 2009; Малышкина 2013; Смелова 2017; Штеба 2017; Назарова 2017 и др.]. Несмотря на то, что статус провокационных коммуникативных действий в этих работах определяется по-разному (вид манипулятивной коммуникативной стратегии [Иссерс 2009; Никонова 2019; Смелова 2017], прием манипулятивных тактик [Варлакова 2013], коммуникативная техника манипулирования [Назарова 2017]), их авторы сходятся во мнении, что провокативное речевое воздействие — это разновидность манипулятивного воздействия. Соглашаясь с этим мнением, в нашем исследовании мы используем термин «речевая провокация» для наименования приема коммуникативного манипулятивного воздействия. К речевой провокации относим тип коммуникативного поведения, конфликтогенное речевое воздействие, побуждающее «партнера к таким речевым реакциям, которые могут повлечь за собой нежелательные для него последствия» [Иссерс 2009: 95].

В современном языкознании речевая провокация исследовалась на материале текстов разного типа. Немало работ посвящено анализу деструктивного речевого поведения в средствах массовой информации и интернет-коммуникации [Иссерс 2009; Самсонова 2022; Малышкина 2013; Назарова 2017; Солодухо, Лозовский 2019 и др.]. Изучение речевой провокации проводилось на материале текстов судебной лингвистической экспертизы [Варлакова 2013; Кузнецов 2020 и др.], рекламных текстов [Степанов 2019; Смелова 2017; и др.], текстов политического и художественного дискурсов [Никонова 2019; Шипова 2023; Шацкая, Черницына 2024 и др.]. В текстах художественных произведений речевые провокации описывались редко и, как правило, в контексте рассуждений о речевом воздействии или манипулятивного речевого поведения героев произведений [Шипова 2023; Прокофьева, Михайлова 2024 и др.]. Однако провокативные речевые действия персонажей художественных текстов заслуживают большего внимания, поскольку литературные произведения — это богатый источник материала как для исследования механизмов и формы проявления речевой провокации, так и для понимания авторской позиции по отношению к героям, вовлеченным в коммуникацию с элементами провокации. В этой связи анализ речевого поведения одного из ярких политических провокаторов в художественной литературе XIX в., героя романа-предупреждения Ф. М. Достоевского «Бесы» Петра Степановича Верховенского является весьма интересным.

Анализируя проблематику романа Ф. М. Достоевского «Бесы», С. Н. Булгаков писал, что в данном произведении «художественно поставлена <...> проблема провокации», понимаемая не только в политическом смысле, «но в более существенном, жизненно-религиозном» [Булгаков 1993: 505]. Философ называет Ставрогина духовным провокатором, который «зажигает других тем, чем сам не горит и заведомо неспособен загореться, — льдистое отражение чужого огня и света» [Булгаков 1993: 511]. Но не менее опасным, по мнению С. Н. Булгакова, является другой тип провокатора — политический провокатор Петр Верховенский: «Под маской демократа, эгалитариста и социалиста он совершенно откровенно третирует всех, рассматривая людей как шашки в шахматном ходе. Над всем царит у него одна холодная, насмешливая презрительная воля. Но при этом и трезвый, расчетливый в злодействе Верховенский в действительности есть маниак и одержимый.

И он ощущает себя сверхчеловеком и чело-векобогом <...>» [Булгаков 1993: 511]. Сам Верховенский признается своему «кумиру» Николаю Ставрогину: «Я ведь мошенник, а не социалист <...>» [Достоевский 2010: 324–325].

Петр Верховенский объясняет свой приезд в губернский город необходимостью создать группу людей («пятерку») для Всероссийского бунта. Однако это является ложью, прикрывающей истинные мотивы молодого бунтаря, который появляется в городе не для борьбы за «общее счастье», а для достижения личных целей: «Петр Верховенский намерен получить деньги за имение, убить Шатова, взять власть над Ставрогиним и затеять „смуту вселенскую“» [Сараскина 1990: 10]. Стремясь достичь поставленных целей, Петр Сепанович использует разнообразные приемы манипулятивного воздействия, как невербальные (интонацию, жесты, взгляды, походку и др.), так и вербальные [Степченкова 2023: 94]. Последние приемы, к которым относится и речевая провокация, молодой мошенник-революционер использует виртуозно. С первого же появления в романе герой провоцирует скандал: встретившись в доме Варвары Петровны с отцом, Петруша старается дискредитировать его. Верховенский-младший использует для этого серию провокационных вопросов:

— <...>Представьте, наполовину затем и ехал, а чуть не забыл: скажи ты мне, быстро повернулся он к Степану Трофимовичу, — ты-то когда же в Швейцарию? (1)

— Я. ... в Швейцарию? — удивился и смутился Степан Трофимович.

— Как? разве не едешь? Да ведь ты тоже женишься... ты писал? (2)

— *Pierre!* — воскликнул Степан Трофимович.

— Да что *Pierre*... Видишь, если тебе это приятно, то я летел заявить тебе, что я вовсе не против, так как ты непременно желал моего мнения как можно скорее; если же (сыпал он) тебя надо «спасать», <...>. Правда, что он женится, Варвара Петровна? (3) — быстро повернулся он к ней. — Надеюсь, что я не нескромничаю; сам же пишет, <...>. Письмо у меня в кармане. Но поверите ли, Варвара Петровна, что я ничего в нем не понимаю! Ты мне только одно скажи, Степан Трофимович, поздравлять тебя надо или «спасать»? (4) [Достоевский 2010: 185].

Задавая вопросы Степану Трофимовичу, определяющие тему дальнейшего разговора (1,2), Петруша не ожидает ответа, он преследует две цели — смутить отца и перевести разговор в нужное русло. Следующий

вопрос (3) задается с целью расширить круг вовлеченных в провокацию: привлечь хозяйку дома и ее гостей к обсуждению неприятной для отца темы. Последний в представленном выше фрагменте вопрос-обличение (4) становится переходом к рассказу о полученном письме, в котором Верховенский-старший изливает душу сыну и жалуется на вынужденную женитьбу на «чужих грехах, совершенных в Швейцарии». Как будто нечаянно разоблачая отца «невинными вопросами» и мнимым непониманием скандальности изложенных в его письме мыслей, Петруша добивается нужной реакции участников провокации: Верховенский-старший хотя «с удивительным достоинством выстоял и под „обличениями“, но был оскорблен и испытал „глубокое и настоящее горе“», а Варвара Петровна, «вся желтая, с искривившимся лицом, со вздрагивающими губами» со «злым наслаждением» выгнала Степана Трофимовича из дома.

После скандала, разразившегося в доме вдовы генерал-лейтенанта Ставрогина, Верховенский-младший несколько раз встречается с отцом и продолжает демонстрировать провокационно-оскорбительное поведение. Он пытается внушить Степану Трофимовичу мысль о том, что «ангел чести и деликатности», покровительница Варвара Петровна презирует «старика» и посвящает Петрушу во все тонкости их отношений (*ужас, что про тебя рассказала; хохотал над твоими письмами к ней*). Эти отношения Петр Степанович обесценивает, используя пейоративные метафоры *остатки вашего сентиментальничанья, взаимное излияние помой*. Желая вызвать негативно-эмоциональную ответную реакцию отца, Петруша использует разные манипулятивно-провокационные приемы: навешивает ярлыки (*приживальщик, лакей добровольный*), приписывает отцу непристойные мотивы (*Лень трудиться, а на денюжки-то у нас аппетит; тебе денег надо было*), напоминает о прискорбных фактах из его биографии (*чуть не сосватали на «чужих грехах», как шута для потехи, за деньги; я мать не виню; ты так ты, поляк так поляк, мне всё равно<...> И не всё ли тебе равно, твой ли я сын или нет?*), использует лексику, позволяющую выразить негативную оценку личности и действиям родителя (*Но ведь вы так развращены, так развращены!; совестно и гадко; Вообще твои письма прескучные; у тебя ужасный слог*), атакует саркастическими риторическими восклицаниями (*Ну, брат, кстати, какое, однако, у тебя самолюбие!; Но это, это последнее твое письмо — это верх совершенства!*). Во время последней встре-

чи с отцом Петр Степанович высмеивает чувства, излитые в письмах старика Варваре Петровне, называет их двадцатилетнюю дружбу «взаимной выгодой», сообщает о том, что Варвара Петровна по его совету отправит Степана Трофимовича в «приличную богадельню». Все эти вербальные выпадки можно расценивать как реализацию провокативной тактики «раздражение оппонента», как речевые действия, позволившие вывести отца из состояния психического равновесия. Поток речевой агрессии сначала обезоруживает Степана Трофимовича, а затем провоцирует гневные проклятия. Добившись своего — вызвав у отца такие сильнейшие переживания, как гнев, ненависть, стыд, отчаяние, — Петр Верховенский как опытный манипулятор спокойно прощается и оставляет жертву в пучине душевных страданий. В следующих после вышеописанного разговора строках Хроникер разъясняет истинную причину скандального речевого поведения провокатора: *«У Петра Степановича действительно были некоторые замыслы на родителя. <...> он рассчитывал довести старика до отчаяния и тем натолкнуть его на какой-нибудь явный скандал, в известном роде. Это нужно было ему для целей дальнейших, посторонних...<...>»* [Достоевский 2010: 282]. Данные цели Петр Верховенский раскрыл в открытом разговоре с Николаем Ставрогиным: *«Мы сделаем такую смуту, что всё поедет с основ. <...> Раскачка такая пойдет, какой еще мир не видал... Затуманится Русь, заплачет земля по старым богам...»* [Достоевский 2010: 378–383].

Смута Петру Верховенскому необходима как средство борьбы с законной властью. Важно отметить, что решить эту непростую задачу мошеннику-революционеру помогают сами представители этой законной власти, обосновавшиеся в губернском городе. Делающие ставку на либерализм, заигрывающие с «молодежью, стоящей на краю», губернатор фон Лембке и его жена покровительствуют Петруше и, как пишет Л. И. Сараскина, делают это небескорыстно: *«Приближая Петра Степановича к своему дому, оба Лембке рассчитывают на него как на провокатора, который раскроет им заговор»* [Сараскина 1990: 273–274]. Однако беспринципные представители власти не ожидали, что вышедший из-под контроля «мальчик с вольнодумными замашками» переиграет их. Обласканный провокатор применил свое оружие против своих покровителей. В этой связи весьма интересной иллюстрацией успешных провокативных речевых действий является разговор Петра Верховенского и

фон Лембке, состоявшийся после того, как губернатор с «невинною целию обезоружить либерализмом» молодого человека показал ему свою «интимную коллекцию всевозможных прокламаций». Воспользовавшись слабостью губернатора и злоупотребив его доверием, Петр Степанович уверенно плетет сеть провокации — нарушает правила игры и дает неожиданную для чиновника оценку содержанию прокламаций:

«Петр Степанович, угадав его цель, грубо выразился, что в одной строчке иных прокламаций более смысла, чем в целой какой-нибудь канцелярии, „не исключая, пожалуй, и вашей“ (1).

Лембке покорило.

— Но это у нас рано, слишком рано, — произнес он почти просительно, указывая на прокламации.

— Нет, не рано; вот вы же боитесь, стало быть, не рано.

— Но, однако же, тут, например, приглашение к разрушению церквей.

— Отчего же и нет? Ведь вы же умный человек (2) и, конечно, сами не веруете, а слишком хорошо понимаете, что вера вам нужна, чтобы народ абютировать (3). Правда честнее лжи.

— Согласен, согласен, я с вами совершенно согласен, но это у нас рано, рано... — морщился фон Лембке [Достоевский 2010: 287–288].

В данном фрагменте Верховенский совершает несколько провокационно-манипулятивных шагов: обесценивает деятельность губернатора (1), использует приемы «подмазывания аргумента» (2) и «приписывание оппоненту недостойных мотивов» (3). Губернатор быстро попадает в созданную ловушку и соглашается с тем, с чем не согласиться нельзя — он умный человек, и правда всегда честнее лжи. Попытки опровергнуть неприемлемые тезисы собеседника моментально пресекаются Пертрушей, который спешит пристыдить фон Лембке, задавая ему провокационный вопрос-обвинение:

— Так какой же вы после этого чиновник правительства, если сами согласны ломать церкви и идти с дрекольем на Петербург, а всю разницу ставите только в сроке? [Достоевский 2010: 288].

К такой интерпретации своих либеральных высказываний губернатор не был готов: он почувствовал себя «грубо пойманным» молодым оппонентом и был «сильно пикирован».

Провокации Верховенского — это не спонтанные эмоциональные речевые действия, а хорошо продуманные шаги к реализации поставленной цели. Так, подсказан-

ную Ставрогиным идею о сплочении ячейки убийством одного из соратников Верховенский начинает воплощать в жизнь, тщательно подготовив всех участников к кровавой расправе. Жертвой этой расправы был избран Иван Шатов, отказавшийся быть частью грязной игры Петра Степановича. Верховенский психологически готовит всех участников к убийству: сначала успокаивает жертву (Шатова), обещает ей свободу от обязательств перед «Обществом», а затем провоцирует на подозрительные действия, пытается убедить «наших» и членов «пятерки» в неблагонадежности хранителя типографии.

В разговоре с Шатовым, не желающим встречаться с бывшими соратниками, Верховенский лукавит и использует провокативную тактику «обвинения чужими устами»: *«Так это и поняли и сочли, что вы все-таки согласны продолжать связь с Обществом, а стало быть, могли опять вам что-нибудь доверить, следовательно, себя компрометировать. Здесь они говорят, что вы просто хотели обмануть, с тем чтобы, получив какое-нибудь важное сообщение, донести» [Достоевский 2010: 345].*

Ложные обвинения задели самолюбие честного молодого человека, давно уведомившего бывших единомышленников о разрыве с Обществом. Он пытается противостоять манипулятору, заявив, что он свободен и ни у кого нет права «отпускать его на волю», однако искусный манипулятор Верховенский переходит к угрозам как к средству, которое вынуждает Шатова явиться на собрание «наших»:

— Ну и пускай, черт!.. — яростно вскричал Шатов. — Пускай ваши дураки считают, что я донес, какое мне дело! Я бы желал посмотреть, что вы мне можете сделать? посмотреть, что вы мне можете сделать?

— Вас бы отметили и при первом успехе революции повесили.

— Это когда вы захватите верховную власть и покорите Россию?

— Вы не смейтесь. Повторяю, я вас отстаивал. Так ли, этак, а все-таки я вам явиться сегодня советую. К чему напрасные слова из-за какой-то фальшивой гордости? Не лучше ли расстаться дружелюбно? Ведь уж во всяком случае вам придется сдавать станок и буквы и старые бумажки, вот о том и поговорим [Достоевский 2010: 345–346].

Обвинения, унижения и угрозы доводят Шатова до крайней раздражительности, чего и добивался Верховенский-провокатор. Петр Степанович был убежден, что в таком эмо-

циональном состоянии Шатов будет вести себя неосторожно и у членов «пятерки» не останется сомнений в его намерениях «донести». Верховенскому необходимо было только подготовить почву, в которой посеянные им зерна подозрения в неблагонадежности хранителя типографии дали бы всходы и у заговорщиков созрело желание устранить предателя. Для достижения этой цели на собрании «наших» Петр Степанович применяет ряд невербальных и вербальных провокационных действий. Зная о том, что все собравшиеся воспринимают его как идейного вдохновителя и ждут от него высокой оценки «их благородного подвига», посвящения в дела революционного движения, Верховенский демонстрирует пренебрежение к собравшимся у Виргинского: перебивает Щигалева, рассказывающего о результатах изучения вопроса о социальном устройстве будущего общества, равнодушно пьет коньяк, чистит ногти. В завязавшийся спор Верховенский вступает с позиции агрессивного доминирования, используя экспрессив, позволяющий привлечь внимание и выразить негативное отношение к бурному обсуждению изложенной Щигалевым системе устройства мира:

— *Однако порядочный вздор! — как бы вырвалось у Верховенского. Впрочем, он, совершенно равнодушно и не подымая глаз, продолжал обстригать свои ногти* [Достоевский 2010: 368].

Вызвав обиду и негодование у присутствовавших, Петр Степанович продолжает разжигать их негативные чувства вопросом-насмешкой:

— *Я не про Щигалева сказал, что вздор, — проямил Верховенский. — Видите, господа, — приподнял он капельку глаза, — моему, все эти книги, Фурье, Кабеты, все эти «права на работу», щигалевщина — всё это вроде романов, которых можно написать сто тысяч. Эстетическое препровождение времени. Я понимаю, что вам здесь в городишке скучно, вы и бросаетесь на писаную бумагу* [Достоевский 2010: 369].

Высмеивая умственные усилия «наших», Петр Степанович вбрасывает мысль о том, что необходимо переходить от бесконечных споров о целях и средствах переустройства общества к конкретным действиям:

— *<...> Я объявляю, господа, что мне нужен прямой ответ. <...> Минуту разговору — потому что не тридцать же лет опять болтать, как болтали до сих пор тридцать лет, — я вас спрашиваю, что вам милее: медленный ли путь, состоящий в сочинении социальных романов и в канцелярском предпрещении судебных человеческих*

на тысячи лет вперед на бумаге, тогда как деспотизм тем временем будет глотать жареные куски, которые вам сами в рот летят и которые вы мимо рта пропускаете, или вы держитесь решения скорого, в чем бы оно ни состояло, но которое наконец развяжет руки и даст человечеству на просторе самому социально устроиться, и уже на деле, а не на бумаге? [Достоевский 2010: 371].

Верховенский требует прямого ответа на сложно сформулированный вопрос, демагогически преувеличивая отрицательные стороны медленного общественного преобразования и положительные стороны быстрого решения социальных проблем. С помощью гиперболической метафоры он рисует уродливый образ деспотизма, который *«тем временем будет глотать жареные куски»* и *«в какие-нибудь во сто лет съест не сто, а пятьсот миллионов голов»*. Противостоять этому врагу, по мнению Верховенского, можно двумя способами: проводить медленные преобразования социального устройства, создавая в том числе и письменные программы социального строительства общества, или бороться на деле, а не на бумаге. Первый способ борьбы с деспотизмом манипулятор характеризует с помощью слова с отрицательной коннотацией *«болтать»*. Сочетание этого слова со словом *«красноречивый»* в оценочном оксюморе *«красноречиво болтать»* усиливает негативную оценку номинируемого действия. Для номинации второго способа борьбы используется глагол *«действовать»*, который приобретает положительную коннотацию, оказавшись контекстуальным антонимом слова *«болтать»*. Важно отметить, что провокатор употребляет слово *«действовать»*, значение которого формируется на основе размытого понятия, никаким образом не конкретизируемого в контексте. Какие именно действия должны свершить заговорщики, манипулятор не уточняет, но само действие рассматривается как нечто благородное, пусть немного опасное (*немного кусается*), но единственно возможное для спасения.

Подталкивает к нужным манипулятору умозаключениям и сравнение врага-деспотизма с неизлечимым больным, с которым следует сражаться безжалостно и быстро, поскольку промедление приведет к его загниванию, а это может быть опасным, так как гниющий враг *«нас заразит, перепортит все свежие силы»*. В этой части монолога Верховенский как бы мимоходом противопоставляет загнивающего больного врага и собравшихся, которым делает комплимент: ведь они-то и есть те *«свежие силы, на*

которые теперь еще можно рассчитывать». Использование местоимений *нас*, *мы* в этом контексте — акт солидаризации Петра Степановича с собравшимися, театральное объединение в группе тех, кто должен стать активно действующими силами, так как в противном случае «*мы все наконец провалимся*». Подготовив таким образом слушающих к нужным выводам, Верховенский завершил монолог «ложной самокритикой» и наводящим вопросом-провокацией:

Ну, да впрочем, я говорить не умею; я прибыл сюда с сообщениями, а потому прошу всю почтенную компанию не то что вотировать, а прямо и просто заявить, что вам веселее: черепаший ли ход в болоте или на всех парах через болото? [Достоевский 2010: 371–372].

Данный вопрос содержит ложную альтернативу, выраженную туманно, метафорически. Петр Степанович требует дать однозначный ответ, понимая, что собравшиеся не могли согласиться с «черепашим ходом в болоте» и должны были выбрать путь «на всех парах через болото», и таким образом подтвердить (возможно, и не желая того) правоту аргументов манипулятора, оправдывающего жестокие методы революционной борьбы.

Манипуляция оказалась настолько явной, что ее заметил хромой учитель, который не испугался уличить Верховенского в нечестной игре: «*Позвольте вам, однако, заметить, что ответы на подобные вопросы обуславливаются. Если мы и дали решение, то заметьте, что все-таки вопрос, заданный таким странным образом...<...> Вы из нас вытянули ответ на готовность к немедленному действию <...>*» [Достоевский 2010: 372].

Разоблачение манипулятивных ходов ничуть не смутило Петра Степановича, который решительно продолжил воплощать свой замысел с помощью провокационных вопросов: «*Или вы боитесь доноса?(1) Неужели между нами может заключаться теперь доносчик?(2)*», «*Если бы каждый из нас знал о замышленном политическом убийстве, то пошел ли бы он донести, предвидя все последствия, или остался бы дома, ожидая событий?(3)*» [Достоевский 2010: 373].

Первые два вопроса (1,2) позволяют манипулятору вызвать у присутствовавших негативные чувства — страх предательства, опасения быть уличенным в предательстве — и подозрительное отношение к окружающим. Естественной реакцией в такой ситуации оказывается желание оправдаться и выйти из круга подозреваемых. Третий вопрос (3) является альтернативным по форме, но бе-

зальтернативным по содержанию, поскольку первый предлагаемый вариант действий номинируется словом с отрицательной оценкой *донести*. В этом же вопросе содержится и угроза «*последствиями*» тем, кто готов выбрать донос. Формулируя таким образом вопрос, манипулятор подталкивает к нужному ответу и создает ловушку для тех, кто ответил утвердительно. Все, кто обещал не доносить о готовящихся преступлениях, скомпрометировали себя и оказались в западне провокатора. Но главной жертвой ловушки должен был стать Шатов, не желавший быть пешкой в разыгрываемой партии Верховенского. Петр Степанович понимал, что Шатов уйдет, не ответив на вопрос, тем самым подтвердит подозрение в своей неблагонадежности. Эту уловку заметил и в разговоре с Верховенским раскрыл Ставрогин: «*Я вам давеча сказал, для чего вам Шатова кровь нужна, — засверкал глазами Ставрогин. — Вы эту мазью ваши кучки слепить хотите. Сейчас вы отлично выгнали Шатова: вы слишком знали, что он не сказал бы: «не донесу», а солгать пред вами почел бы низостью*» [Достоевский 2010: 377].

Вынудив Шатова повести себя подозрительно — уйти, не объяснив причины своих действий собравшимся и не ответив на провокационные вопросы, — Верховенский психологически подготовил участников задуманного им преступления к убийству бывшего соратника.

Таким образом, создавая колоритный образ политического авантюриста Петра Верховенского в романе «Бесы», Ф. М. Достоевский представляет его как провокатора с уникальной способностью манипулировать людьми разного круга и статуса. Циничный революционер мастерски использует различные приемы и тактики речевой провокации, что нередко приводит к трагическим последствиям, становится средством достижения безнравственной цели — реализации «идеологии смуты». Проведенный анализ приемов провокативного речевого поведения героя произведения М. Ф. Достоевского показал, что исследование деструктивного общения на материале художественного текста является весьма перспективным, поскольку позволяет изучать провокативные коммуникативные стратегии и тактики, а также помогает в процессе лингвистического анализа выявлять и интерпретировать мотивы и цели речевого поведения персонажей литературных произведений.

ИСТОЧНИКИ

1. Достоевский, Ф. М. Бесы / Ф. М. Достоевский. — Москва : Эксмо, 2010. — 608 с.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Булгаков, С. Н. Сочинения. В 2 т. Т. 2 / С. Н. Булгаков. — Москва : Наука, 1993. — 752 с. — Текст : непосредственный.
2. Варлакова, Т. В. Речевая провокация как объект судебной лингвистической экспертизы / Т. В. Варлакова // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2013. — № 4(51). — С. 33–36. — EDN RTAAIF.
3. Иссерс, О. С. Стратегия речевой провокации в публичном диалоге / О. С. Иссерс // Русский язык в научном освещении. — 2009. — № 2(18). — С. 92–104. — EDN MTBBID.
4. Кузнецов, В. О. «Провокация» как экспертное понятие в судебной лингвистической экспертизе / В. О. Кузнецов // Теория и практика судебной экспертизы. — 2020. — Т. 15, № 3. — С. 6–18. — DOI 10.30764/1819-2785-2020-3-6-18. — EDN KNQHPD.
5. Малышкина, И. Г. Метод провокации в исследованиях взаимоотношений аудитории и средств коммуникации / И. Г. Малышкина // Медиа. Информация. Коммуникация. — 2013. — № 4. — С. 20–22. — EDN TGRIR.
6. Назарова, Е. А. Значение провокации в средствах массовой коммуникации: мнение экспертов / Е. А. Назарова // Провокация: экспертное измерение. — Москва : Новый хронограф, 2017. — С. 70–85. — EDN VKGEIX.
7. Никонова, Ж. В. Речевая провокация как основной инструмент коммуникативного воздействия в современной мировой политике / Ж. В. Никонова // Международные отношения и общество. — 2019. — Т. 1, № 4. — С. 29–33. — EDN SKAKJF.
8. Никонова, Ж. В. Речевая провокация как основной инструмент коммуникативного воздействия в современной мировой политике / Ж. В. Никонова // Международные отношения и общество. — 2019. — Т. 1, № 4. — С. 29–33. — EDN SKAKJF.
9. Самсонова, А. А. Речевая провокация в научно-популярных телепередачах / А. А. Самсонова // Диалог-спор в научно-популярной коммуникации. — Санкт-Петербург : Медиапир, 2022. — С. 121–130. — EDN JHXXIW.
10. Сараскина, Л. И. «Бесы»: роман-предупреждение / Л. И. Сараскина. — Москва : Сов. писатель, 1990. — 478 с. — EDN ZMPVTR.
11. Середукина, Т. А. Провокация как коммуникативная неудача / Т. А. Середукина // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. — 2013. — № 10. — С. 314–323. — EDN RTEHZN.
12. Смелова, М. В. Провокационные стратегии в рекламной коммуникации / М. В. Смелова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. — 2017. — № 1. — С. 168–172. — EDN YLGGCP.
13. Солодухо, А. С. Провокативность в интернет-коммуникации: проблема определения понятия / А. С. Солодухо, А. В. Лозовский // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. — 2019. — № 1. — С. 104–109. — EDN YXCTEL.
14. Степанов, В. Н. Категория провокативности и пиар-дискурс / В. Н. Степанов // Актуальные процессы современной социальной и массовой коммуникации : сборник научных трудов. — Ярославль : Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2009. — Т. 1. — С. 116–123. — EDN WCOWUT.
15. Степанов, В. Н. Провоцирование в рекламной коммуникации / В. Н. Степанов // Организационная психолингвистика. — 2019. — № 2(6). — С. 3. — EDN NNVFTR.
16. Степанов, В. Н. Провоцирование в социальной и массовой коммуникации : монография / В. Н. Степанов ; В. Н. Степанов. — Санкт-Петербург : Роза мира, 2008. — 268 с. — ISBN 5-85574-223-4. — EDN QXSPRP.
17. Степченкова, В. Н. Манипулятивные стратегии Петра Верховенского в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» / В. Н. Степченкова // Проблемы исторической поэтики. — 2023. — Т. 21, № 1. — С. 91–113. — DOI 10.15393/j9.art.2023.12022. — EDN DLUSZC.
18. Шацкая, М. Ф. Комическая провокация и провокация комизмом: две стороны одного коммуникативно-прагматического явления / М. Ф. Шацкая, Т. В. Черницына // Terra Linguistica. — 2024. — Т. 15, № 3. — С. 81–98. — DOI 10.18721/JHSS.15308. — EDN OJNQZE.
19. Шипова, И. А. Языковые приемы речевой манипуляции адресатом в художественном тексте анализа (на материале новеллы Э. Т. А. Гофмана «Песочный человек») / И. А. Шипова // Язык. Коммуникация. Общество. — 2023. — № 1(1). — С. 28–41. — EDN HLWXXG.
20. Штеба, А. А. Лингвистические признаки провокации / А. А. Штеба // Litera. — 2017. — № 1. — С. 120–128. — EDN YJJVCJ.

MATERIALS

1. Dostoyevskiy, F.M. (2010). Besy = Demons. Moscow: Eksmo, 608 p.

REFERENCES

1. Bulgakov, S. N. (1993). Sochineniya v dvukh tomakh = The essay in two volumes. Vol. 2. Moscow: Nauka, 752 p.
2. Varlakova, T. V. (2013). Rehevaya provokatsiya kak ob'yekt sudebnoy lingvisticheskoy ekspertizy = Speech provocation as the object of forensic linguistic expertise. *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia*, 4(51), 33–36.
3. Issers, O. S. (2009). Strategiya rechevoy provokatsii v publichnom dialoge = The strategy of speech provocation in public dialogue. *Russian Language and Linguistic Theory*, 2(18), 92–104.
4. Kuznetsov, V. O. (2020). «Provokatsiya» kak ekspertnoye ponyatiye v sudebnoy lingvisticheskoy ekspertize = “Provocation” as an expert term in forensic linguistics. *Theory and Practice of Forensic Science*, 15(3), 6–18. DOI 10.30764/1819-2785-2020-3-6-18.
5. Malysheva, I. G. (2013). Metod provokatsii v issledovaniyakh vzaimootnosheniy auditorii i sredstv kommunikatsii = Provocative techniques in researches of interaction between an audience and means of communication. *Media. Information. Communication*, 4, 20–22.
6. Nazarova, E. A. (2017). Znachenie provokatsii v sredstvakh massovoy kommunikatsii: mneniye ekspertov = The importance of the provocation in the mass media: the opinion of experts. *Provocation: an expert dimension*, 70–85. Moscow: Novyy khronograf.
7. Nikonova, Z. H. (2019). Rehevaya provokatsiya kak osnovnoy instrument kommunikativnogo vozdeystviya v sovremennoy mirovoy politike = Speech provocation as the main tool of communicative influence in modern world politics. *International relations and society*, 1(4), 29–33.
8. Prokof'yeva, L. P., Mikhaylova, O. E. (2024). Rehevoye vozdeystviye i manipulyatsiya v khudozhestvennom tekste (na materiale rasskazov A. P. Chekhova) = Speech impact and manipulation in an artistic text (based on the A. P. Chekhov's stories). *Communication studies*, 11(3), 584–598. DOI 10.24147/2413-6182.2024.11(3).584-598.
9. Samsonova, A. A. (2022). Rehevaya provokatsiya v nauchno-populyarnykh teleperedachakh = Speech provocation in popular science TV shows. *Dialogue is a dispute in popular science communication*, 121–130. St. Petersburg: Mediapir.
10. Saraskina, L. I. (1990). “Besy”: roman-preduprezhdeniye = “Demons”: a warning novel. Moscow: Sov. pisatel, 478 p.
11. Seredukhina, T. A. (2013). Provokatsiya kak kommunikativnaya neudacha = The provocation as the communicative failure. *Herald of Chelyabinsk state pedagogical university*, 10, 314–323.
12. Smelova, M. V. (2017). Provokatsionnyye strategii v reklamnoy kommunikatsii = The provocative strategies of advertising communication. *Herald of Tver state university. Series: Philology*, 1, 168–172.
13. Solodukho, A. S., Lozovskiy, A. V. (2019). Provokativnost' v internet-kommunikatsii: problema opredeleniya ponyatiya = Provocativeness in internetcommunication: the problem of concept defining. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy. Psychology*, 1, 104–109.
14. Stepanov, V. N. (2009). Kategoriya provokativnosti i piar-diskurs = The category of provocation and PR discourse. *Current processes of modern social and mass communication*, 2, 116–123. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky.
15. Stepanov, V. N. (2019). Provotsirovaniye v reklamnoy kommunikatsii = Provoking in advertising. *Organizational psycholinguistics*, 2(6), 45–61.
16. Stepanov, V. N. (2008). Provotsirovaniye v sotsial'noy i massovoy kommunikatsii = Provocation in social and mass com-

munication. St. Petersburg: Roza mira, 268 p.

17. Stepchenkova, V. N. (2023). Manipulyativnyye strategii Petra Verkhovenskogo v romane F. M. Dostoyevskogo «Besy» = Manipulative strategies used by Pyotr Verkhovensky in F. M. Dostoevsky's novel "Demons". *The Problems of Historical Poetics*, 21(1), 91–113. DOI 10.15393/j9.art.2023.12022.

18. Shatskaya, M. F., Chernitsyna T. V. (2024). Komicheskaya provokatsiya i provokatsiya komizmom: dve storony odnogo kommunikativno-pragmaticheskogo yavleniya = Comic provocation and provocation by comedianism: two sides of one communicative and pragmatic phenomenon. *Terra Linguistica*, 15(3),

81–98. DOI 10.18721/JHSS.15308

19. Shipova, I. A. (2023). Yazykovyye priyemy rechevoy manipulyatsii adresatom v khudozhestvennom tekste analiza (na materiale novelly E. T. A. Gofmana «Pesochnyy chelovek») = Linguistic techniques of speech manipulation by the addressee in the literary text of the analysis (based on the material of E. T. A. Hoffman's short story "The Sandman"). *Language. Communication. Society*, 1(1), 28–41.

20. Shteba, A. A. (2017). Lingvisticheskiye priznaki provokatsii = Linguistic signs of provocation. *Litera*, 1, 120–128.